

«ЦАРЬ, ЦАРЕВИЧ, КОРОЛЬ, КОРОЛЕВИЧ» ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ В НАРОДНОЙ РУССКОЙ СКАЗКЕ

В статье на основании анализа политических образов, содержащихся в волшебных сказках из собрания А.Н. Афанасьева, выявляются черты, которыми народная мысль наделяет правителя. По заключению автора, в народном сознании персонажи «царь» («король») и «царевич» («королевич») составляют единую сакральную личность, выполняющую функции героя-воина и мудрого отца-правителя. Делается вывод о воспроизводстве сказочного политического образа правителя в сознании и поведении современных россиян, как политиков, так и рядовых граждан.

Ключевые слова: народная мысль, сказка, народная русская сказка, архетип, политический образ, образ правителя, царь, политическая культура

Особое место в культуре России занимала и занимает знакомая всем с детства народная сказка. Её парадоксальные фантастические сюжеты, яркие образы и крылатые фразы навсегда впечатываются в сознание каждого ребёнка, выступая важным компонентом процесса его социализации. Однако представлять народную сказку как произведение, адресованное исключительно детям, неверно. Значение сказки не исчерпывается влиянием на формирование мировоззрения индивида. Сказки выступают неотъемлемой частью историко-культурной памяти народа и в этом качестве представляют собой «механизмы распространения и трансляции из поколения в поколение социально и культурно дифференцированных “образов прошлого”, культурных символов, когнитивных схем»¹. Таким образом, являясь простенькой развлекательной историей по форме, сказка по содержанию представляет собой своеобразную шараду, ребус, тайное послание, разгадка которого – предмет мечтаний любого интеллектуала.

Сказочный массив неоднороден. Самыми многослойными и потому наиболее сложными для анализа являются волшебные сказки – фольклорные произведения, характеризующиеся откровенно фантастическим сюжетом, наличием чудесных помощников, предметов и невероятных обстоятельств. Трактовки содержания волшебных сказок различны. Одни полагают, что в основе «преданий старины глубокой» лежат события и социально-культурные практики прошлого, обросшие с течением времени множеством фантастических деталей и более поздних подробностей². Другие считают фольклорные произведения своего рода «контейнерами», с помощью которых в индивидуальную психику «достается» накопленный предшествующими поколениями социальный опыт, составляющий коллективное бессознательное: архетипы и пр.³

---

¹ Репина 2016: 10.

² Рыбаков 1994: 590-596; Пропп 2000; Мелетинский 2005.

³ Юнг 1996; Сергеева 2016.

Противопоставление исторической и психологической интерпретаций может быть отчасти снято, если сконцентрировать внимание на изучении образов, встречающихся в волшебной сказке. Наибольший интерес при этом вызывают образы политические, ибо, передаваясь от поколения к поколению, они становятся неотъемлемыми компонентами политической культуры общества; выступают эталонами и моделями современного сознания и поведения. Будучи результатом восприятия социальных объектов, политические образы воплощают в себе единство реального и идеального; как указывает Е.Б. Шестопал, представляют «с одной стороны отражение реальных характеристик объекта восприятия, т.е. политической власти, личности лидера и т.д., а с другой – проекцию ожиданий субъекта восприятия»⁴. Таким образом, изучение политических образов в русских сказках полезно не только для восстановления прошлого, но и для понимания настоящего.

Социально-политические сюжеты волшебных народных сказок не раз рассматривались философами, социологами и историками⁵, но при этом собственно политическим образам уделялось явно недостаточно внимания. Попытаемся восполнить этот пробел, проанализировав сказочных героев, маркированных словами «царь», «король», «царевич» и «королевич». В качестве источниковой базы исследования выберем наиболее обстоятельное и систематическое собрание русского фольклора, выполненное в XIX в. А.Н. Афанасьевым⁶.

Царь или король в народных русских сказках всегда является героем «второго плана». Это персонаж без биографии, не человек, а некий социальный тип, лишённый в большинстве случаев каких-либо индивидуальных черт и особенностей. Показательно, что из 107 проанализированных нами волшебных сказок, лишь в 9-ти царь или король назван по имени. История восхождения на трон сказочного правителя покрыта мраком. Государь неизвестное время правит «в некотором царстве, некотором государстве». Царская семья также описана довольно общё: государь женат или вдов и, как правило, имеет детей «на возрасте».

Народная мысль довольно архаична в своём представлении о царских обязанностях. Правитель – прежде всего *воин*, значительную часть времени проводящий в ратных походах. «Долго-долго шел царь с воинством, много-много земель за собой оставил, вот уж и неприятель близко» (259)⁷. «Ах ты, храбрый воин! – укоряют сёстры царевича, испугавшегося приближающихся врагов. – Чего убоялся? Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?» (161). Подробнее чем война в сказках описана только охота, которой правитель занимается «по обычаю царскому, дворян-

⁴ Шестопал 2007: 352.

⁵ См., напр.: Трубецкой 1990; Вышеславцев 1995; Стрелкова 2011; Лобачева 2019.

⁶ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева 1984–1985.

⁷ Здесь и далее в круглых скобках приведены номера, под которыми сказки размещаются в собрании А.Н. Афанасьева.

скому» (205, 219, 201, 260). Его мирные дела описаны довольно невнятно с помощью самых общих фраз: «правит делом» (125), «устроил своё царство» (231). Исключение составляет лишь функция *судьи*, которую правитель делит с другими государями или приближёнными. «Король созвал большой совет и велел судить своего зятя, зачем-де обольстил его волшебством и сгубил прекрасную королевну» (191). «Осердился царь, послал собирать с разных земель королей и принцев. Собрались короли и принцы; угостил их царь и стал с ними думать-гадать» (124).

Как видно, транслируемый волшебными сказками образ царя глубоко патриархален: это либо неутомимый воин-герой, либо мудрый, но суровый судья, жестоко карающий виновных, ради торжества справедливости и сохранения порядка. В терминологии С.В. Перевезенцева и А.А. Ширинянца, предназначение сказочного государя быть «консерватором-хранителем» своего царства⁸. В одной из сказок царь прямо назван «грозным» – «славным во всех землях, страшным всем королям и королевичам» (199). Впрочем, несмотря на строгость, правитель вполне доступен простонародью. В сказках он спрашивает совета у крестьянина (124, 138), лично принимает солдата на службу (259, 273), становится крёстным отцом сына бедняка (185), выслушивает крестьянку, сватающую государеву дочь за своего сына (191) и т.п. Правда, оказаться перед лицом царя непросто: дорогу к нему преграждают многочисленные солдаты, слуги и вельможи.

Однако даже сказочный правитель не всегда соответствует идеалу. Порой царь труслив, завистлив и жаден; верит злым боярам, которые стремятся «обнести» перед государем хорошего человека (307, 224, 283). Но за несправедную политику и потакание плохим советчикам следует неминуемая расплата. Герой одной из сказок, посланный на тот свет, наблюдает, как на покойном короле черти возят дрова в пекло. «Скажи-ка ты моему сыну, – просит король, – коли он будет королевством управлять так же *не по правде* (курсив мой. – А.А.), как я управлял, то и с ним то же будет! Сам видишь, как меня черти замучили, до костей спину и бока простегали» (216). «Правда» трактуется народным сознанием предельно просто: «не обижать ни черни, ни войска» (214). Король, не внимающий несложным рецептам, жестоко наказывается: «Дурак видит, что дело к расплате идет, и крикнул: “Эй, дубинка, бей-колоти!” Дубинка бросилась, раз-другой ударила и убила злого короля до смерти» (216).

Более внимательный взгляд на фигуру царя позволяет выявить еще одну важную особенность восприятия народом государя – *сакрализацию*. Сакрализация, по Б.А. Успенскому и В.М. Живову, «предусматривает не просто уподобление монарха Богу, но усвоение монарху особой харизмы, особых благодатных даров, в силу которых он начинает восприниматься как сверхъестественное существо <...> заняв место визан-

⁸ Перевезенцев, Ширинянец 2016.

тийского василевса, русский царь получает – в восприятии своих подданных и в своём собственном – особую харизму»⁹.

Позволим уточнить и, в определённой степени, оспорить приведённое выше высказывание применительно к предмету нашего исследования. Во-первых, как представляется, сакрализацией правильнее называть не уподобление правителя Богу (сверхъестественному существу), но веру в связь власть имущего с миром сверхъестественного¹⁰. Во-вторых, в русском фольклоре сакральный характер имеет не власть и не титул, а личность правителя. Волшебные сказки со всей очевидностью демонстрируют ту самую персонификацию политической власти в России, о которой пишут современные исследователи¹¹. Правитель в сказках обладает сверхъестественными способностями (харизмой) не потому, что он царь, но *он царь, потому, что у него есть харизма*.

Образ царя как сакральной личности вырастает из наиболее древних, архаичных родоплеменных представлений о вожде как о маге, умеющем договориться с Иным миром (богами и духами) об удачной военной экспедиции, успешной охоте, хорошем урожае, прекращении эпидемии и т.п. Сверхъестественные способности являются, следовательно, обязательным условием правления. Государь, утративший связь с Иным миром, оказывается бесполезен для племени, а потому закономерно утрачивает власть. При внимательном изучении народных волшебных сказок мы видим, что фабула многих из них – это рассказ о потере харизмы старым правителем и обретении её новым героем, в конечном счёте, занимающим трон.

О наличии у действующего правителя сверхъестественных способностей волшебные сказки говорят намёками. Так, например, они сообщают о пленении государем опасного противника, принадлежащего Иному миру: Кощея Бессмертного (159), духа дикой природы («мужичка руки железны, голова чугуна, сам медный») (123-125) и т.п. Очевидно, что для захвата в плен сверхъестественного существа от правителя требуются и особенные способности: сверхсила, сверхловкость и сверххитрость. Другим доказательством наличия связи правителя с миром сверхъестественного является владение им волшебными предметами. Прежде всего, это разнообразное оружие: меч-кладенец, боевая палица, чудесная рубашка (208-209, 259). Они и делают царя сверхсильным и неуязвимым, потому их потеря приводит к непоправимым последствиям, вплоть до гибели героя. К числу сверхъестественных вещей можно, очевидно, отнести и яблоню с золотыми яблоками из «Сказки об Иван-царевиче, жар-птице и сером волке» (168). Несмотря на то, что в тексте не упоминается о волшебных свойствах плодов, их золотой цвет однозначно свидетельствует о волшебном характере дерева¹². Секрет яблок

⁹ Успенский, Живов 1996: 208, 215.

¹⁰ См. об этом: Андреева 2005.

¹¹ Романович 2009.

¹² Пропп 2000: 245.

раскрывается в других сказках (171,172,174,176): они являются молодильными, т.е. позволяющими царю победить старость.

Фигура старого царя особенно интересна, поскольку в его лице мы видим человека, утрачивающего харизму. «...Царь, который был одновременно жрецом, магом, от которого зависело благополучие полей и стад, – поясняет В.Я. Пропп, ссылаясь на Д. Фрэзера, – при наступлении старости или незадолго до нее, как полагали, начинал терять свою магическую потенцию, что грозило бедствием всему народу. Поэтому он заменялся более сильным преемником»¹³. В этом контексте становится понятна та роль, в которой выступает престарелый правитель в волшебных русских сказках. Как с иронией замечает А.С. Штемберг, «его [царя] основное развлечение и любимое занятие – изводить героя разными каверзными задачами и трудновыполнимыми или вовсе невыполнимыми поручениями»¹⁴. В соответствии с вышесказанным, становится ясна истинная цель этих задач и поручений: правитель либо хочет заполучить магические предметы, чтобы восстановить свои сверхъестественные способности и, тем самым, сохранить свою власть, либо стремится найти новую сакральную личность себе на смену. Попытки старика любыми способами удержаться на престоле народом решительно осуждаются. Утерявший харизму царь, решивший так же, как и молодой герой, искупаться в кипящем молоке, неизменно гибнет (169, 170).

Сказочную биографию претендента на престол (царевича или королевича), как и царскую, невозможно восстановить полностью. Рассказ о судьбе наследника начинается с детства или юности и завершается его свадьбой или вступлением на престол. Затем следует многозначительное многоточие: «...и жили они долго и счастливо».

Как и царь, царевич – типичская фигура, что подчёркнуто именем: в 37 из проанализированных нами сказок он зовётся одинаково – Иван. Царевич – воплощение всего самого лучшего: «...и красивый, и умный, и славный; об нем песни пели, об нем сказки сказывали; он красным девушкам во сне снился» (283). Его манеры изысканы: «кресты кладёт по-писаному, поклоны ведёт по-ученому» (124). Но специфической чертой царевича является другое – харизма. Иногда она проявляется с рождения. Царица долго не может забеременеть, усердно молится и видит сон о златоперой рыбе, которую нужно изловить и съесть, чтобы родить сына. Сон сбывается, и ребенок тотчас же демонстрирует сверхъестественные качества: он фантастически быстро развивается («не по дням, а по часам») и становится сильномогучим богатырём (136, 137, 139). В одной из сказок царевич отправляется совершать подвиги, будучи десятилетним (176), а в другой и вовсе – девятисуточным (157).

Однако столь раннее проявление харизмы – исключение, а не правило. В большинстве сказок у царевича присутствуют лишь задатки

¹³ Пропп 2000: 290.

¹⁴ Штемберг 2012: 209.

уникальных способностей, которые полностью раскрываются только в определённых условиях. Демонстрация сверхъестественных качеств требуется, например, при наследовании отцовского трона. Как правило, такое «тестирование» происходит в несколько этапов. «Сказка об Иван-царевиче, жар-птице и о сером волке» начинается с истории о том, что в волшебный сад повадилась летать жар-птица, клюющая золотые яблоки (168). Три царских сына по очереди охраняют деревья, но только Ивану-царевичу удается подстеречь жар-птицу и схватить её за хвост. Очевидно, что причина неудачи старших братьев не столько в их безответственности, сколько в отсутствии харизмы: они лишены сверхъестественных способностей (не имеют магического зрения), и потому просто не видят птицу, прилетевшую из Иного мира. Ещё более любопытно выглядят испытания в сказке «Царевна-лягушка» (267-269, 570). Там герои вынуждены доказывать свои уникальные способности несколько раз. Сначала царь требует от сыновей жениться, но жену выбрать с помощью стрелы и лука: «кто куда стрельнет, тому там и невесту брать». Выбор стрелы в качестве орудия судьбы имеет особое значение – это предмет, принадлежащий двум мирам: миру живых и миру мёртвых (с её помощью живое можно сделать мёртвым). Таким образом, стрела должна продемонстрировать, кто из троих царских сыновей может «открыть дверь» в Иной мир. Затем царские испытания обращаются к будущим царевнам: им нужно сшить рубаху, испечь хлеб и станцевать на пиру. Попытки сделать это обычными способами проваливаются: рубашки и хлеб, созданные жёнами старшего и среднего сыновей, оказываются самыми обычными, а танец лишь раздражает царя. Только лягушка, получившая свой хлеб и рубаху из Иного царства («Няньки-маньки тотчас принесли рубашку самой лучшей работы»), заслуживает одобрения, а её танец однозначно свидетельствует о магических способностях претендентки: она делает из мёртвого (обглоданные кости в рукаве) живое («стали летать разные птицы»).

Другим типом «теста» на наличие у наследника харизмы выступает в сказках сватовство царевича. В силу того, что выбранная невеста сама обладает сверхъестественными способностями, рядовая процедура оборачивается полным опасностей испытанием. Отец невесты требует от претендентов невозможного: узнать невесту среди одинаковых девиц, попариться в раскаленной бане, съесть бесчисленное количество еды, объездить дикого коня, построить за одну ночь дворец или мост, разбить сад и т.п. (198-200, 219-226). Очевидно, что выдержать такие испытания, не будучи сакральной личностью, невозможно. Но кроме магии царевичу требуются и чисто житейские качества: смекалка, хитрость, находчивость. Печальную судьбу претендента на престол, не обладающего ни харизмой, ни сообразительностью рисует сказка «Безногий и слепой богатыри» (198-200). Царевна-богатырка, поняв, что вышла замуж за обычного человека, а все испытания проходил его слу-

га, при первом же удобном случае избавляется от мужнина помощника и мстит супругу. Она тащит привязанного царевича за повозкой, а затем заставляя его пасти коров.

Но наиболее сложным типом испытаний является путешествие претендента в Иное царство (Страну мертвых) за похищенной матерью, женой или волшебной вещью (живой водой, молодильными яблоками и т.п.). Именно в этом походе раскрываются все сверхъестественные способности царевича. У камня на перепутье он интуитивно выбирает правильную дорогу, что не удается его братьям, обычным людям. Затем, дойдя до границы Иного царства, без труда в него попадает, произнеся нужные слова (заклинания), разворачивающие в правильном направлении избушку на курьих ножках. После этого царевич заручается поддержкой стража границы иномирья – Бабы-яги, и, узнав от неё дорогу, оказывается, наконец, лицом к лицу с главным сверхъестественным противником: многоглавым чудом-юдом, Змеем-Горынычем или Кощеем Бессмертным. Следует поединок, в ходе которого герой убивает злодея и с освобождённой матерью, невестой/женой и волшебными трофеями торжественно возвращается на Русь.

Триумф, впрочем, на некоторое время откладывается из-за ревности старших братьев. Недовольные тем, что их младший родственник выполнил задания отца и, вероятно, получит престол вопреки принципу старшинства, братья убивают Ивана. Однако здесь связь претендента на престол с миром сверхъестественного раскрывается во всей полноте: при содействии волшебных помощников Иван-царевич возвращается с того света, вскрывает правду и мстит обидчикам (171-178).

Таким образом, царевич предстаёт в русских сказках героем-воином, чей путь к трону полон страданий и подвигов. Согласно народным представлениям, будущий царь, имея право на престол, должен заслужить корону, пройдя через страдания, предательство и даже смерть. Править страной может не изнеженный и неопытный мальчик, но бесстрашный, познавший жизнь муж.

Подведём итоги. Изучение политических образов в волшебных народных русских сказках приводит нас к парадоксальному, на первый взгляд, выводу: в лице царя и царевича мы видим не две самостоятельных личности, но один, рассеченный надвое образ. В этом смысле волшебные сказки похожи на кинофильм, который начинается с финала, а затем содержит рассказ о том, как и почему этот финал стал возможен. Судьба царевича, как предыстория жизни царя, есть рассказ об обретении харизмы, раскрытии сверхъестественных способностей, необходимых для будущего правления. В народном сознании возникают следующие требования по отношению к власти имущему: он должен быть бесстрашным воителем, способным победить врагов (в том числе и кажущихся непобедимыми) и хранителем правды-справедливости среди детей-подданных. Таким образом, в царе должны сочетаться образы

героя-воина и мудрого отца-государя. Прозорливость правителя, в частности, должна проявляться в том, чтобы, утрачивая былую сакральность, готовить себе преемника, способствуя раскрытию его харизмы.

Как видно, указанные политические образы и практики, зафиксированные в волшебных сказках, продолжают жить и поныне, определяя политическое сознание и поведение как рядовых российских граждан, так и политиков.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андреева Л.А., Бондаренко Д.М., Коротаев А.В., Немировский А.А. Введение // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. I / Ред. Д.М. Бондаренко. М.: Институт Африки РАН, 2005. С. 5–32. [Andreeva L.A., Bondarenko D.M., Korotaev A.V., Nemirovskij A.A. Vvedenie // Sakralizaciya vlasti v istorii civilizacij. Ch. I / Red. D.M. Bondarenko. M.: CCRI RAN, 2005. S. 5–32.]
- Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6. С.112–114. [Vysheslavcev B.P. Russkij nacional'nyj harakter // Voprosy filosofii. 1995. №6. S.112–114.]
- Лобачева Г.В. Отражение «наивного монархизма» русского народа в сказочном фольклоре // Современные направления в истории, культуре, науке и технике. Материалы Международной научно-практической конференции. Саратов: КУБиК, 2019. С. 174–177 [Lobacheva G.V. Otrazhenie «naivnogo monarhizma» russkogo naroda v skazochnom fol'klоре // Sovremennye napravleniya v istorii, kul'ture, nauke i tekhnike. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Saratov: KUBIK, 2019. S. 174–177.]
- Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М., СПб: Академия Исследований культуры, Традиция, 2005. 240 с. [Meletinskij E.M. Geroj volshebnoj skazki. M., Spb: Akademija Issledovanij kul'tury, Tradiciya, 2005. 240 s.]
- Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. Л.Г. Барг, Н.В. Новиков; Отв. ред. Э.В. Померанцева, К.В.Чистов. М.: Наука, 1984–1985. [Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: V 3 t. / Podgot. L. G. Barag, N. V. Novikov; Отв. ред. E. V. Pomeranceva, K. V.Chistov. M.: Nauka, 1984–1985.]
- Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А. Страницы истории русского «хранительства»: литература и политика // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 4. [Perevezencev S.V., Shirinyanc A.A. Stranicy istorii russkogo «hranitel'stva»: literatura i politika // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal). 2016. № 4. DOI:10.18384/2224-0209-2016-4-781.]
- Пропп В.Я. Исторические корни Волшебной Сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с. [Propp V.YA. Istoricheskie korni Volshebnoj Skazki. M.: Labirint, 2000. 336 s.]
- Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9–15. [Repina L.P. Istoricheskaya pamyat' i nacional'naya identichnost' podhody i metody issledovaniya // Dialog so vremenem. 2016. № 54. S. 9–15.]
- Романович Н.А. К вопросу о персонификации власти в России // Власть. 2009. №9. С. 13–16. [Romanovich N.A. K voprosu o personifikacii vlasti v Rossii // Vlast'. 2009. № 9. S. 13–16.]
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 608 с. [Rybakov B.A. Yazychestvo drevnih slavyan. M.: Nauka, 1994. 608 s.]
- Сергеева А.А. Дорога в тридцатое царство: Славянские архетипы в мифах и сказках: В 2-х тт. М.: Клуб Касталия, 2016. [Sergeeva A.A. Doroga v tridesyatoe carstvo: Slavyanskie arhetipy v mifah i skazkah: V 2-h tt. M.: Klub Kastaliya, 2016.]
- Стрелкова О.В. Образ власти в русских народных сказках // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 131–136. [Strelkova O.V. Obraz vlasti v russkih narodnyh skazkah // Sociologicheskie issledovaniya. 2011. № 11. S. 131–136.]
- Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. 1990. № 2. С.100–118. [Trubeckoj E.N. «Inoe carstvo» i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke // Literaturnaya ucheba. 1990. № 2. S.100–118.]
- Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика

- культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С.202–337. [Uspenskij V.A., Zhivov V.M. Car' i Bog (semioticheskie aspekty sakralizacii monarha v Rossii) // Uspenskij V.A. Izbrannye trudy. T.1. Semiotika istorii. Semiotika kultury. 2-е изд., испр. i dop. М.: Shkola «Yazyki russoj kul'tury», 1996. S.202-337.].
- Шестопад Е.Б. Политическая психология. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007. 427 с. [Shestopal E.B. Politicheskaya psihologiya. 2-е изд., pererab. i dop. М.: Aspekt Press, 2007. 427 s.].
- Штемберг А.С. Герои русских народных сказок: кто они и почему ведут себя так, а не иначе? // Пространство и Время. 2012. № 1. С. 207–214. [Shternberg A.S. Geroi russkih narodnyh skazok: kto oni i pochemu vedut sebya tak, a ne inache? // Prostranstvo i Vremya. 2012. № 1. S. 207–214.].
- Юнг К. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с. [Yung K. Dusha i mif: shest' arhetipov. Kiev: Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainy dlya yunoshhestva, 1996. 384 s.].

Абрамов Андрей Вячеславович, кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии и права, Московский государственный областной университет; abram-off@mail.ru

“Tsar, tsar’s son, king, king’s son”: the image of the ruler in the russian folk fairy tale

The article analyses the political images from the magic fairy tales by A.N. Afanasyev and singles out the character traits given to the ruler by the people. According to the author’s conclusion, the people’s conscience unites the characters of “tsar” (“king”) and of “tsar’s son” (“king’s son”) into one sacral personality, who functions as a hero-warrior and a wise father-ruler. The conclusion is made about the fairy political image of a ruler being reproduced in the conscience and behavior of modern Russians, both politicians and ordinary citizens.

Keywords: *People’s conception, fairy tale, Russian folk fairy tale, archetype, political image, the image of the ruler, tsar, political culture*

Abramov Andrei V., PhD in Political Sciences, associate Professor at the Department of political science and law Moscow Regional State University; abram-off@mail.ru